

3. WB, World Development Report 1997: The State in a Changing World, Oxford University, 1997.
4. Конституция Республики Казахстан. 1995. Сент.
5. Есентугелов А. Путь Казахстана к рынку был долгим и тернистым, но не напрасным.
6. Агентство Республики Казахстан по статистике. 2001. Февр.
7. The Economist Intelligence Unit, Kazakhstan, 1998.
8. UNDP, Kazakhstan – Development Cooperation, 1998–1999 Report, 2000.
9. WB, Republic of Kazakhstan: Country Assistance Evaluation, WB, February 20, 2001.
10. Определен день проведения выборов акимов // Казправда. 2001. 19 сент.
11. В долгу перед Родиной // Экспресс К. 2001. 7 сент.
12. Назначать или выбирать? // НП. 2001. 7 сент.
13. Хабар. Агентство Хабар, Агентство Республики Казахстан по государственной службе предлагает изменить Закон о государственной службе, 27 мая 2002 г., извлечено из www.khabar.kz
14. Указ Президента Республики Казахстан № 633. Местное государственное управление в Республике Казахстан. 23 июня 2001.
15. Page W. The Future of Politics: governance, movements and world order. L., 1983.

М.К. Чуркин

ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ СТАРОЖИЛОВ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА (1861–1914 ГГ.)

Омский государственный педагогический университет

Менталитету русского крестьянства в полной мере было свойственно отсутствие представлений о естественном праве, которые компенсировались представлениями о правопорядке, укорененном в обычае. Наиболее рельефно обычно-правовые воззрения и отношение крестьян к писанному праву представлены в пословицах русского народа, собранных В.И. Далем: «Законы святы, да законники супостаты», «Где закон, там и обида», «Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили» [1, с. 473]. О специфическом понимании русским народом права говорили и исследователи. Так, А.Н. Энгельгардт констатировал: «Мужик не знает законов, он уважает какой-то “божий закон”» [2, с. 109]. О нелюбви к законности и праву – в противовес приверженности к «справедливости» – писал в 1861 г. Н.Г. Чернышевский: «Основное наше понятие, упорнейшее предание – то, что мы во все вносим идею произвола... Мы хотим все сделать силой прихоти, бесконтрольного решения» [3, с. 666]. К издаваемым правительством указам народная масса относилась не как к законам, а как к единовременным распоряжениям. Добровольные корреспонденты этнографического бюро князя В.Н. Тенишева отмечали, что в народе устойчиво распространено мнение, согласно которому правосудие вершат лица, поставленные для того по повелению самого государя и действующие на основании законов, им утвержденных [4, с. 56].

Преобладание обычно-правовых установок в крестьянской среде носило объективный характер, было детерминировано спецификой ментальности крестьянского сословия (общинность, конкретность мышления), низким уровнем грамотности, стремлением

коронной администрации сохранять правовую обособленность сельского населения в интересах поддержания в крестьянской среде общественного порядка и распространялось на основные правовые сферы – уголовную и гражданскую.

Так, на рубеже XIX–XX вв. базовые понятия в уголовном обычном праве трактовались как в законах XV–XVII вв., а в некоторых случаях уголовное преступление соотносилось со статьями первых отечественных обычно-правовых актов, таких как, например, Русская Правда. В крестьянской правовой культуре, формировавшейся в условиях религиозного синкретизма, понятие о преступлении выглядело крайне запутанным. Причина подобного положения вещей заключалась в особом прочтении христианства первыми русскими религиозными подвижниками, которые полагали главной своей целью плотский аскетизм как средство преодоления греховности. В ранней русской православной культуре особое место принадлежало таким понятиям, как мораль и моральная норма, постепенно распространившимся на общество и юриспруденцию. В результате в крестьянском менталитете преступление воспринималось либо как нарушение моральной нормы, грех, либо как обида, причиненная физическому лицу. Характерно то, что грех, с точки зрения великороссийского крестьянства, считался важнее преступления, наказуемого в соответствии с официальным законодательством. Далеко не все проступки, понимаемые крестьянством как греховные, преследовались в законодательном порядке, как то: работа в праздники, отказ от подачи милостыни, нарушение обещания участвовать в помо-

чи и т.д. С другой стороны, преследуемые по закону преступления: обман, кражи, мошенничество, нарушение интересов казны, с позиции крестьянства, не были связаны с грехом и таковыми не считались: «Не обманешь – не продашь», «Казна нашими деньгами не разбогатеет, итак она матушка богата» [4, с. 57]. Исследователь народного обычного права в XIX в. А.Н. Филиппов отмечал, что на волостных судах дела о кражах и мошенничестве заканчивались обычно примирением, так как крестьяне видели в преступлении не нарушение интересов общества, а лишь деяние, направленное против обиженного, а «прощенное дело чего судить» [5, с. 65]. Аналогичное указание встречаем и у В.Н. Тенишева: «Обычая мстить виновному нет, но “отплатить” за неприятность стараются многие, считая высшим возмездием возможность привлечь к суду. Если же за совершенный проступок виновный, по мнению обиженного, получил достаточное наказание, то обида забывалась очень скоро» [4, с. 58].

Немаловажным фактором, ускорившим обособление крестьян от общего правопорядка, стал процесс модернизации традиционного общества и инициированные государством попытки включения России в общеевропейский контекст. Расхождение закона и обычая в России отчетливо проявилось в XVII–XVIII вв., когда официальное право стало развиваться по пути формализации, казуистики, утверждения сословных принципов судопроизводства. В этих обстоятельствах обычное право крестьянства все более замыкалось в себе и слабо воспринимало трансформации, происходившие в законе. В пореформенную эпоху властные структуры проводили прежнюю политику правовой обособленности крестьянства, сохраняя в великорусских, белорусских и украинских губерниях, например, волостные суды, выведенные за пределы общей системы судостроительства [6, с. 77].

Тем не менее эпоха Великих реформ оказала воздействие на крестьянское правосознание, равно как и обычное право испытало корректирующее влияние закона. Особенно ярко это влияние проявилось в процессе массового аграрного переселения крестьян Европейской России за Урал. Интенсификация переселенческих потоков в Зауралье совпала по времени с проведением в Европейской России серии либеральных реформ 1861–1874 гг. Реформы 1861, 1864, 1866 гг., при всей их ограниченности и непоследовательности, существенно изменили правовое положение крестьян. Впервые в российской истории крепостной крестьянин получил право владения собственностью, ведения торговли, заключения сделок, вступления в брак без согласия помещика и пр.

Наиболее продуманной в серии либеральных реформ стала Судебная реформа 1864 г., оказавшая ощутимое влияние на народное правосознание. Ре-

форма 1864 г. впервые в России утверждала четыре принципа современного права: независимость суда от администрации, несменяемость судей, гласность и состязательность судопроизводства. В результате проведенных мероприятий в России, во второй половине XIX в. произошли глобальные изменения в культурной и правовой сферах, затронувшие цивилизационные основы социально-политической жизни. Правовые инновации, предполагающие не только создание принципиально нового законодательства, но и его универсальный характер, постепенно внедрялись в массовое сознание, в том числе и в сознание крестьян европейских губерний России – потенциальных переселенцев. К концу XIX в. значительная их часть, успевшая пожить и сформироваться, с известными оговорками, в условиях гражданского общества, переносила его постулаты в районы колонизации.

Различие в правовой культуре сибиряков-старожилов, хозяйствовавших в Сибири во втором, третьем, четвертом поколениях, и переселенцев из Европейской России пореформенного периода проявлялось прежде всего в поземельных отношениях. Старожильческий хозяйственно-культурный комплекс формировался в период абсолютного земельного простора и, как следствие, неограниченных вольно-захватных мероприятий в отношении сельскохозяйственных угодий. Кроме того, слабость инфраструктуры (отсутствие путей сообщения, регулярно связывающих Европейскую и Азиатскую части ойкумены) превращала сибирские населенные пункты в замкнутые, автономные анклав. Государство, не имея индустриальных возможностей проникновения и закрепления в регионе, ставило препоны переселенческому движению и формированию в колонизируемом районе гражданско-правовых начал. Статистик Словцов, характеризуя сложившуюся ситуацию, справедливо констатировал: «Юриспруденция дошла до Урала и повернулась к Сибири спиной» [7, с. 38]. Действительно, сибирское старожилое крестьянство до 80–90-х гг. XIX в. не знало никаких законодательных актов по землеустройству и земельной собственности.

Именно в этот период правовая ситуация в Зауралье начинает видоизменяться. Ряд государственных законодательных инициатив, «Секретные правила о переселении государственных крестьян в Сибирь» и «Закон о переселении», способствовал подъему переселенческой волны и увеличению количества крестьян, направлявшихся в Сибирь легитимно. Данная часть переселенцев, знакомая с аграрным законодательством, стремилась применять свои предствления в новых условиях. Во многом в связи с большей правовой культурой претензии переселенцев на землю являлись обоснованными, поскольку подтверждались соответствующими законодательными актами. Старожилы, в свою оче-

редь, испытывали по меньшей мере недоумение, не могли взять в толк, почему землю, которой они пользуются несколько поколений, вложили в нее свой труд, у них отбирают и отдают переселенцам. В газете «Барнаульский листок» отмечалось, что растет неприязнь между переселенцами и старожилами. Особенно много столкновений с осевшими на землях, «отрезанных» от старожилов селений. Не имея законных оснований отказать переселенцам в пользовании этими «отрезками», старожилы прибегали к испытанному «обычноправовому» способу решения проблемы: «...Приемные приговоры достигают 150 рублей с мужской души, и многолюдные семьи переселенцев вынуждены платить по 600–800 рублей за одну приемку» [8, с. 126]. Другой показательный эпизод, иллюстрирующий правовую обособленность старожилов, содержался в докладе заведующего землеустройством и переселенческим делом Забайкальской области, который сообщает военному губернатору, что «старожилы не считаются с законом о землеустройстве и пользуются сенокосами, отошедшими под переселенческие участки» [9, л. 44–45]. В годы Столыпинской аграрной политики, правовой водораздел между переселенцами и старожилами, стал еще более ощутимым, что выразилось в консервации старожиловской частью крестьянского сообщества Сибири

общинно-корпоративных принципов хозяйственной деятельности в противовес индивидуалистическим устремлениям наиболее прогрессивных переселенцев. Так, в д. Анисимово Кузнецкого уезда Томской губернии в 1910 г., по разрешению крестьянского начальника, 11 переселенцев решили переместиться на отруба, но 10 старожилов, вооруженных вилами и топорами, не дали выделиться и разогнали переселенцев [10, л. 41–48]. В той же Томской губернии, в с. Баево Барнаульского уезда, 986 переселенцев высказались за внутринадельное межевание, но 300 человек старожилов отстаивали общинное пользование и категорически отказались получать наделы [11].

Таким образом, в процессе массового аграрного переселения в Сибирь во второй половине XIX в. крестьянство европейских губерний России приносило в колонизируемые районы правовые представления, испытывавшие воздействие официального законодательства. Поземельные столкновения между переселенцами и старожилами в рассматриваемый период являли собой конфликт двух правовых начал: обычного, носителями которого выступали старожилы, и писанного (гражданского), представленного переселенцами. Правовая культура и правовые нормы были в большей степени присущи переселенцам.

Литература

1. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. Т. 1. М., 2000.
2. Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. М., 1987.
3. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1950.
4. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (На примере Владимирской губернии). СПб., 1993.
5. Филиппов А.Н. Народное обычное право как исторический материал // Русская мысль. 1886. № 9.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России: В 2 т. Т. 2. СПб., 2000.
7. Утков В.Г. Предвестники: связь времен. М., 1982.
8. Самосудов В.М. Революционное движение в Западной Сибири (1907–1917 гг.). Омск, 1970.
9. ГАЧО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3349.
10. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 965.
11. Жизнь Алтая. 1911. 18 авг. № 181.

Т.В. Галин

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОПТИМАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ КАПИТАЛА

Томский государственный педагогический университет

Необходимым требованием для рационального функционирования любой коммерческой организации является умение ее финансового менеджера анализировать, контролировать и управлять структурой финансовых ресурсов. То есть финансовый менеджер должен уметь находить оптимальное соотношение между собственным и заемным капиталом, другими словами, находить оптимальную структуру капитала для отдельно взятой фирмы.

Структура капитала оказывает прямое влияние на результаты финансово-хозяйственной деятельности коммерческой организации и косвенное влияние на отношение к ней собственников и инвесторов, т.е. на величину капитала.

Капитал любой фирмы состоит из двух основных частей собственного капитала и долга. Поэтому стоимость капитала фирмы или просто стоимость фирмы – это сумма стоимости собственного капитала